МИР 29.01.2020 | Дмитрий Тренин

Военная тревога — 2020

Американо-иранский кризис позволил понять, куда и как идет процесс изменения миропорядка

Американо-иранский кризис января 2020 года не привел к большой войне на Ближнем и Среднем Востоке, но подсветил расклад сил в мире, а также позиции, стратегии и тактики сторон, вовлеченных в геополитическое соперничество в регионе. Эта подсветка реальной ситуации дает возможность понять, куда и как идет процесс изменения миропорядка.

Расклад сил

Страны Ближнего и Среднего Востока повели себя осторожно. Израиль поддержал США, но без особого рвения. Саудовская Аравия и другие монархии Залива, в прошлом году пострадавшие от атак ракет и беспилотников, предположительно осуществленных по приказу генерала Сулеймани, тоже заняли проамериканскую позицию, но вели себя при этом непривычно тихо. В интересном и очень опасном положении оказался Ирак — младший союзник одновременно двух противоборствующих сторон. Эта страна расплатилась за свое двусмысленное положение тем, что стала мишенью для боевых ударов со стороны обоих своих союзников. Турция, претендующая на роль региональной державы, заняла подчеркнуто самостоятельную позицию, чем еще раз продемонстрировала условность своего членства в НАТО и сложный характер отношений с США.

НАТО заняло позицию стороннего наблюдателя, хотя Иран открыто нанес удар баллистическими ракетами по военным объектам США. Никто в связи с этим не вспомнил о статье 5 Вашингтонского договора. Более того, некоторые участники американской коалиции поспешили заявить о выводе своих контингентов из Ирака. Основные европейские союзники Америки — Британия, Германия и Франция — в очередной раз продемонстрировали неспособность выступать самостоятельной дипломатической силой в отношении Ирана, на что они долго претендовали. На долю Лондона, Берлина и Парижа выпало выражать обеспокоенность последствиями

американо-иранского конфликта и пытаться хотя бы на бумаге спасти соглашение по ядерной программе Ирана, фактически утратившее силу с выходом из него США в 2018 году.

Из азиатских стран на кризис отреагировала Япония — решением послать военный корабль в район Персидского залива, что можно расценить как еще один маленький шаг на пути превращения этой страны в нормальную, т. е. способную применять силу державу. В Дели обнаружили, что в условиях, когда в регионе Залива трудятся сотни тысяч индийских граждан, сама Индия оказалась в трудном положении выбора между важным соседом и далеким, но очень важным партнером — США.

Противостояние США и Ирана оказалось поединком. Другие крупные мировые державы в той или иной степени поспешили отстраниться от конфликта. Китай, главный соперник США, держался в тени. Пекин призывал обе стороны к сдержанности и к деэскалации напряженности. Россия, несмотря на гораздо большую вовлеченность в ближневосточные военно-политические сюжеты, чем Китай, также проявила осторожность. Москва и Пекин не выступили единым фронтом, но и сама Москва не проявила желания открывать новый фронт. Нынешний характер российско-американской конфронтации предполагает постоянный обмен информационными ударами, но в заявлениях МИД и Минобороны России, осуждавших убийство генерала Сулеймани, упор делался больше на методы США, чем на характер их политики. В то время как внимание всего мира было приковано к военным ударам в регионе Персидского залива, Москва провела дипломатическую операцию в Восточном Средиземноморье, пытаясь применить свой успешный сирийский опыт для восстановления мира — и собственного влияния — в Ливии.

Цели, стратегии и тактики США и Ирана

Президента США Дональда Трампа часто обвиняют в непредсказуемости и импульсивности. В январском кризисе с Ираном, однако, Трамп оказался перед выбором: пропустить новые иранские удары или дать на них решительный ответ. На протяжении почти трех лет своего правления американский президент избегал вооруженного конфликта с Тегераном, предпочитая бомбам и ракетам огнедышащую риторику и санкции. В 2019 году Трамп в последний момент принял решение отвести уже занесенный над Ираном меч, отказавшись тем самым от мести за уничтожение

иранцами американского беспилотника. На решение Трампа ликвидировать Сулеймани повлияла, по-видимому, не процедура импичмента, запущенная в декабре 2019 года, а новогодняя попытка штурма американского посольства в Багдаде проиранскими элементами, направлявшимися, по-видимому, лично Сулеймани. Иными словами, речь шла не столько об отвлечении внимания избирателей от импичмента, сколько о предотвращении возможного ущерба образу президента как защитника жизней американцев за рубежом. Трамп просто обязан был показать согражданам, что не потерпит даже намека на то, что произошло с диппредставительством и послом США в Бенгази при президенте Бараке Обаме.

Идя на такой шаг, Трамп сильно рисковал. Никто не мог достоверно предсказать ответ Тегерана. Если бы этот ответ привел к многочисленным жертвам среди американцев, США наверняка нанесли бы массированный удар по важнейшим иранским целям. После этого обмен ударами наверняка продолжился бы, поскольку на карту были бы поставлены престиж Америки и само выживание Исламской Республики. В такой конфликт были бы втянуты многие страны региона, а не только Ирак. Возможно, что и внерегиональные державы, до тех пор сохранявшие дистанцию, также должны были бы точнее обозначить свою позицию и начать как-то действовать. Чтобы ограничить эти риски, США передали иранцам через различных дипломатических почтальонов, что рассматривают ликвидацию Сулеймани как одноразовую акцию возмездия и не намерены начинать масштабные военные действия. Это вскрыло еще одну важную черту конфликта: его участники, публично демонстрируя решимость к силовым действиям, одновременно сигнализируют друг другу о своей умеренности.

Иранское руководство, оценив ситуацию, решило поступить рационально и стратегически. Целью Тегерана стало, с одной стороны, выставить Иран в глазах мировой общественности жертвой авантюристической политики администрации Трампа, а с другой использовать сложившуюся ситуацию для постепенного выдавливания США из Ирака и Сирии двух важнейших для региональных интересов Ирана соседних стран. Резолюция иракского парламента о прекращении иностранного военного присутствия в стране и последующее обращение к США премьер-министра Ирака с просьбой вывести из него американские вооруженные силы стали первыми плодами этой стратегии. Ракетный удар по объектам США, без жертв и особенных разрушений, стал демонстрацией отваги и смелости иранских руководителей (мало кто в мире может себе такое позволить) и

одновременно их ответственности: обиды не прощаем, но и войны не хотим, готовы к деэскалации конфликта. Из этого можно сделать вывод, что не всякая война рассматривается сегодня как средство отвлечения внимания общества от внутренних проблем.

Эмоциональный ответ на убийство Сулеймани Тегеран позволил себе — опять-таки абсолютно рационально — только дома. Иранские руководители разыграли роль жертвы. Похороны национального героя, павшего от рук коварного внешнего врага, помогли сплотить приверженцев правящего режима и сторонников жесткой линии в отношении США. Поначалу это сработало — до тех пор пока под Тегераном не рухнул украинский авиалайнер, а иранские силовики не были вынуждены взять на себя ответственность за его уничтожение и гибель 176 пассажиров и членов экипажа. Оппозиционные силы в Иране, чьи выступления в 2019 году были жестко подавлены, смогли после этого воспрянуть духом. Но развернуть ситуацию в свою пользу оппозиционерам не удалось. Власти заплатили цену за трехдневный отказ признать вину, но признание ограничило эту цену внутри страны. В мире же готовность Ирана взять ответственность на себя была воспринята как свидетельство курса Тегерана на деэскалацию конфликта. В итоге во внутриполитическом плане иранские лидеры, как и Трамп, в основном сохранили свои позиции перед лицом атаковавших их оппонентов.

Поведение России

Январский кризис подтвердил, что Иран для Москвы союзник чисто ситуативный: на поле боя в Сирии и в целом в борьбе с запрещенной в РФ организацией ИГИЛ. Более широкая иранская стратегия в регионе, которую в значительной степени реализовывал генерал Сулеймани, не пользуется поддержкой Москвы. Россия также безоговорочно выступает за сохранение исключительно мирного статуса иранской ядерной программы. Касем Сулеймани, возможно, пользовался уважением в Москве, но вряд ли ему здесь особенно доверяли. Он однозначно не был своим человеком для российских военных и разведчиков. В целом поведение России укладывается в уже сложившуюся тенденцию: продвигать и защищать собственные интересы и только на такой основе выстраивать отношения с партнерами.

Президент Владимир Путин стал единственным мировым лидером, посетившим Ближний Восток в разгар американо-иранского кризиса. Он, однако, летал туда совсем не для того, чтобы попытаться не допустить войны между Вашингтоном и Тегераном, а

с целью укрепить позиции Москвы как наиболее влиятельной внешней силы в Сирии; официально запустить газопровод «Турецкий поток», по которому российский газ стал поступать в Юго-Восточную Европу, а также расширить политическое партнерство с Турцией теперь уже на Ливию, где, как Путин признал официально, могут находиться российские вооруженные граждане. Вскоре Путин вновь вернулся в регион — для визита в Израиль и общения с возможными преемниками уходящего в отставку премьер-министра Биньямина Нетаньяху, с которым у российского президента сложились близкие доверительные отношения. Можно констатировать, таким образом, что основные российские геополитические и геостратегические интересы в регионе Ближнего Востока и Северной Африки сосредоточены в Восточном Средиземноморье.

На обратном пути российский президент поприсутствовал на военно-морских учениях в Черном море. Здесь он наблюдал, как отрабатывались пуски ракет «Кинжал» и «Калибр». Тем временем российский и американский военные корабли опасно сблизились у входа в Персидский залив, заставив министров обороны двух стран еще раз побеседовать друг с другом. Можно вспомнить, что непосредственно перед началом американо-иранского кризиса ВМФ России провел в этом регионе учения с ВМС Китая и Ирана. Демонстрация военной силы России превратилась, таким образом, в заметный инструмент внешней политики Москвы на Ближнем и Среднем Востоке.

Вслед за встречами в Дамаске и Стамбуле и общением с моряками в Черном море Путин провел в Москве переговоры с канцлером Германии и пообщался с лидерами арабских и европейских стран для подготовки конференции по политическому урегулированию в Ливии. Москва предоставила площадку для встречи противоборствующих ливийских сторон, а также для их бесед с представителями России и Турции. Таким образом Москва попыталась использовать астанинскую модель по Сирии для Ливии. Тот факт, что эта модель сразу не сработала, не ставит на ней крест. На состоявшейся вскоре после этого международной конференции по Ливии в Берлине российский лидер выглядел, пожалуй, наиболее влиятельным участником. Опыт Сирии свидетельствует, что конечный успех складывается из множества частичных неудач и извлекаемых из них уроков. Очевидно, что сегодня Россия имеет шанс вернуться в экономически привлекательную Ливию путем миротворчества.

Предварительные итоги январского кризиса и их значение

В 2020 году на фоне давнего текущего противоборства произошел первый обмен ударами между США и региональной державой Ираном. Американцы впервые пошли на ликвидацию влиятельного иранского военного и политического деятеля, а иранцы также впервые подвергли базы США ракетному нападению. Таким образом были созданы два важных и потенциально опасных прецедента. Обе стороны при этом предприняли усилия для минимизации последствий своих действий. Несмотря на отсутствие в настоящее время прямого канала связи между Ираном и США, эта связь налажена через посредников Багдад и Берн. Кризис оказался скоротечным, большой войны между двумя странами удалось избежать, а гибридная продолжается. Это свидетельствует о том, что даже те деятели современного мира, которые считаются наиболее воинственно настроенными, опасаются последствий неуправляемого вооруженного конфликта.

Мировое сообщество отреагировало на американо-иранский кризис дружным беспокойством и всеобщими опасениями относительно его возможной эскалации и вовлечения в военную свару других стран. В то же время каких-либо реальных попыток остановить войну никто предпринять не пытался. Совет Безопасности ООН не созывался на экстренное заседание. Москва, обычно чувствительная к силовым акциям США, на этот раз не призвала к созыву этого органа, признав такую попытку бесперспективной. Интересно, что ни союзники США, ни партнеры Ирана не поспешили на помощь «своим» сторонам. США и Иран остались выяснять отношения в полном одиночестве. Блоковая солидарность — причем как старших партнеров с младшими, так и наоборот — отступает перед национальными интересами отдельных государств. Такой расклад говорит о растущей фрагментации современного мирового сообщества.

США не столько отступают со своих позиций мирового лидера, сколько стремятся перегруппировать силы для более успешной конкуренции с соперниками, сократив некоторые свои обязательства и переложив часть бремени на союзников. При этом Вашингтон все больше сосредоточивает внимание на борьбе с главным соперником Пекином, а также с противниками второго и третьего ранга Москвой и Тегераном. В этой борьбе США применяют все более широкий набор средств и способов: от санкций, ставших не столько инструментом политики, сколько ее заменой, до целенаправленного давления на конкретные структуры и фигуры вплоть до их

нейтрализации, а в исключительных случаях — физического устранения. Внешняя политика становится все более точечной, адресной.

Китай пока не готов к полноформатному противоборству с Америкой. Вместо того чтобы растягивать фронт, КНР стремится ограничить сферу американо-китайских противоречий. Когда между Ираном и США возник открытый конфликт, Китай завершал переговоры по первому этапу экономического соглашения с Соединенными Штатами. В итоге договоренность о снятии части взаимных претензий была достигнута. Геополитическая экспансия Пекина следует за геоэкономической, но все еще с большим отставанием от нее и довольно осторожно. На Ближнем и Среднем Востоке, несмотря на широкое экономическое проникновение в регион, Китай сознает узость своих политико-военных возможностей и недостаток дипломатического опыта. Помимо этого китайские экономические интересы присутствуют не только в Иране, но и в еще большей степени в странах, считающих Иран своим врагом, — Саудовской Аравии и других странах Залива. За пределами Восточной Азии Китай еще продолжительное время будет оставаться величиной преимущественно геоэкономической.

Страны Европейского Союза давно являются такой величиной, но и не только. Несмотря на отдельные заявления отдельных амбициозных лидеров, ЕС не представляет собой стратегического актора. На примере Ирана — визитной карточки европейской дипломатии — это видно особенно отчетливо. Европа не смогла предотвратить выход США из соглашения с Ираном по его ядерной программе. После того как в 2018 г. США прекратили свое участие в этом соглашении, оно фактически утратило смысл для Ирана. Под влиянием кризиса января 2020 г. Тегеран отказался от ряда ограничений, наложенных этим соглашением на его ядерную программу, но из режима международного мониторинга ядерной деятельности не вышел. После того как евротройка — Великобритания, Германия и Франция — в ответ на шаги Ирана запустила под давлением США механизм возможного восстановления санкций против Тегерана, европейцы в глазах иранцев утратили положение посредников между Ираном и США. Таким образом, очередная демонстрация силы США стала дополнительным аргументом в пользу создания Ираном инструмента сдерживания враждебной Америки.

За последние пять лет Россия превратилась в заметного игрока на ближневосточной площадке, но своим успехом она обязана не столько ресурсной базе, сколько сосредоточенности на собственных

конкретных интересах, хорошему знанию региона и умелой тактике в маневре сравнительно небольшими силами и средствами. Россия также нашла способ поддерживать отношения со всеми значимыми игроками, не вступая в союзническую зависимость от одних и избегая стойкой враждебности других.

Индия находится пока на раннем этапе превращения в великую державу, но Ближний и Средний Восток станет, по-видимому, одним из регионов наряду с Южной и Юго-Восточной Азией, а также бассейном Индийского океана, где роль Индии будет повышаться в первую очередь.

В целом, однако, роль и значение всех великих держав в международной системе снижается. Это происходит в результате приобретения региональными игроками военных способностей, которыми в прошлом обладали исключительно крупные игроки; резко повысившейся чувствительности мировых держав к человеческим потерям; снижения привлекательности многих стран как объектов экономических интересов или стратегических плацдармов; повсеместно растущего тренда на приоритетность внутренней политики, прежде всего социально-экономической, перед политикой внешней.

Ближний и Средний Восток на протяжении всего периода холодной войны и после него выступал хрестоматийным примером и одним из центров соперничества ведущих мировых сил. Сегодня этот регион демонстрирует, как это соперничество перемещается в совершенно другие сферы (технологии, в том числе, конечно, военные; финансы; экономику в целом, а также в информационную область), а прежние географические поля больших игр больших игроков отдаются местным силам. Самые же большие игроки все чаще действуют исходя из сиюминутных потребностей внутренней политики, а не идеологически обоснованных больших геополитических стратегий.

Данная статья подготовлена при финансовой поддержке Carnegie Corporation of New York и впервые опубликована на сайте Московского Центра Карнеги.

Дмитрий Тренин
Москва

Дмитрий Тренин – директор Московского Центра Карнеги и один из ведущих российских экспертов по вопросам внешней политики.

1 LESERBRIEFE

giorgikharshiladze61@gmail.com schrieb am 01.02.2020

Prekrasnii analiz, bravo